

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 3

1947

Александр ЯШИН

**СТИХИ
РАЗНЫХ ЛЕТ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Александр ЯШИН

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Москва — 1947

АЛЕКСАНДР ЯШИН

Александр Яковлевич Попов-Яшин родился 14 марта 1913 года в деревне Блудново (ныне колхоз «Красный пахарь»), Никольского района, Вологодской области. Получил педагогическое образование в Никольском педтехникуме и Вологодском пединституте. Был избачём, учителем. В 1932—1933 годах работал председателем Вологодского оргкомитета Союза советских писателей, в 1933—1935 годах — в Архангельском отделении ССП. В 1935 году переехал в Москву, где окончил Литературный институт ССП имени Горького. С 1941 года член ВКП(б).

Начало творчества А. Яшина связано с его активной работой в комсомоле и участием в коллективизации северной деревни. Первая книжка стихов — «Песни Северу» — вышла в Архангельске в 1934 году. Первая московская книга — «Северянка» (Гослитиздат. 1938). В 1940 году вышла поэма «Мать», посвящённая борьбе нового со старым в вологодской колхозной деревне.

Отечественную войну А. Яшин провёл во флоте, в основном в качестве политработника. Непосредственно участвовал в боях за Ленинград и Сталинград в рядах морской пехоты Балтики и на кораблях Волжской военной флотилии. Писал очерки, рассказы, стихи. Книга боевых эпизодов «Город гнева» печаталась осенью 1942 года в газетах Сталинградского фронта и в «Сталинградской правде».

Стихи военных лет, входившие в разные сборники («Красная Горка», «На Балтике было» и др.), объединены в книге «Земля богатырей», которая в 1946 году получила годовую премию ЦК ВЛКСМ по разделу лучших художественных произведений для молодёжи.

Демобилизовавшись в 1944 году в связи с полученной инвалидностью, А. Яшин написал книгу стихов о родном колхозе военных дней — «Земляки» (Советский писатель, 1946).

КЛЯТВА

Злате Константиновне

Над серой вершиной ветер свищет,
Птица-орлица пищу ищет.
На склонах тёрн—торчат корневища.
Дуб над бездной
Стоит, как железный.
На вершине воздух чище,
Небо синей,
Роса холодней.
С вершины видней.
На вершине клятва верней.

Давай поклянёмся, мой друг.
Взгляни, какая земля большая,
Родная,—не видно конца и края!
Лицом повернёмся на юг.
Перед тобой хребет снеговой,
Клёкот над головой.
С юга вершина освещена.
Пусть будет клятва верна:
Солнце—для юга,
Мы—друг для друга.
Пусть будет, как солнечная сторона,
Наша любовь ясна,
Такая же светлая и молодая,

Как родина,—
Без конца, без края.
Клянись!

— — —

Поверотись на север.
Там, за степями, льны и клевер,
Ольховые рощи,
Сосновые чащи,
Начала рек широких, журчащих,
Там васильки и разрыв-трава.
В логах токуют тетерева.
Там Москва—
Всему голова.
Там Вологда, где мы с тобой родились,
Где жить учились.
За домом, у тына,
Не виноград—рябина.
Среди вековых лесов—заводы,
Глядятся трубы в озёрные воды.
А дальше тайга,
Зыбуны по пояс,
И льды и снега—
Полюс.

Не забывай о родине,
О нашем роде—
О сильном, честном, прямом народе.
Не забывай:
Твоя судьба—нехоженый край.
Люби в лесах родниковую воду.
Не забывай:
Жить с народом—служить народу,
Клянись!

— — —

Восток сам
Повернулся к нам
Восходом ранним,
Хвойным дыханьем,
Оленьими сопками,
Верблюжьими тропками,
Путями великими,
Песками топкими,
Трущобами дикими.

Необозримый, неиссякаемый,
Ветрами солёными овеваемый,
Издравле богатый
Зверем рогатым,
Пухом и мехом.
Кедровым орехом.

Держава труда—Держава Советов,
Могучее братство.
На свете нету
Другой земли такой великой,
Другой семьи такой многоликой.
Не знаю лугов заливных цветистей,
Полей необъятней, садов плодородней,
Плотин величавей, гудков голосистей,
Народа пытливей и благородней.

Входи же хоть каплей в громаду потока,
Песчинкой,
Снежинкой в вихри с востока,
Лучом в сиянье,
Искрою в пламя,
Строкою в песню,
Узором в знамя.
Пусть солнце братства
Несёт народу
И радости жизни,
И свет, и свободу.
Ему поклонись!
Пред ним покланись!

— — —

На запад повернись.
Опять довелось нашей силе и шири
Подняться за правое дело в мире.
В дыму столкнулась со сталью сталь.
До крика каждую травку жаль...
Взвилось над Берлином Победы знамя.
Везде сердца благородные—с нами.
Сегодня мы от костров храним
Культуру, которую миру дали
Москва и Афины,
Париж и Рим,

Которую с детства, со школы чтим,—
Мы ныне совестью мира стали.
Над океанами на километры
Хребты возвышаются—в солнце, в ветре,
Но выше хребтов, над кряжем веков,
Отныне родина большевиков.
С вершины Кремля открываются дали,
Каких другие державы не знали.

Возьмёмся за руки
От моря до моря.
Против смерти,
Против горя
Встанем твёрже,
Глянем строже,
На тлен, на гниль
Запрет положим.
За новый век
В двадцатом веке!
За ясность рек,
За свет в человеке!
За ветер свежий
Со всех побережий!
За счастье века!
За Человека!

— — —

Нам с тобою долго жить,
Свято любить,
До смерти дружить,
Много видеть, сделать много,—
У нас с тобой большая дорога.
Советская родина нас вскормила,
И в нас её правда, размах и сила.

Не забывай о горной вершине,
О неоглядной шири.
Не забывай и грома раскаты
И медленный, долгий подъём:
Тёрн рос по всему каменистому скату,—
Мы шли тернистым путём.
Неси с собою клёкот орлиный,
Держи мою руку в дорогах длинных—

Любовь нам дана не на смерть, на жизнь.
Ни в чём
Никогда
Не сходи с вершины.
Клянись!

*3 октября 1943 г.
Вершина Бештау
1946.*

СЛОВО ОХОТНИКА

Избушка охотничья той сродни,
Что где-то на курьих ножках стоит.
В избушке костёр смолевой горит.
В тайге хлопотливые, страдные дни.
Под вечер вспыхнут в небе огни—
И всё принимает сказочный вид.

С густой темнотой сливается бор,
В лощинах разносится вой зверей,
Старик-лесовик тормозит костёр.
Лежит на его коленях бобёр,
Старик устал, а не хмурит бровей.

На лбу его гладкого места нет,
Как сетка на глобусе,—сеть морщин.
Уже бороде его семьдесят лет,
Уже сыновья зовут его: дед!—
А всё не горбат он, даже не сед,
Всё видит летягу в хвое вершин.

Немало он взял на веку берлог,
Дорог преложил, загонял лисиц,
Немало из лесу волков приволок;
Он богом входит в медвежий лог—
Коряжист, угласт и широколиц.

Портянки висят на еловом суку,
У беличьих шкурок собака спит.
Старик сидит лицом к огоньку.
Он, как полагается лесовику,
Довольный удачей, с собой говорит:

«Добёр бобёр!
Хоронился — смех!..
Кого ж ты, милóй, хотел провести?
А, знать, родовит... До чего блеснит!
Заиндевел будто.
И что за мех!
Его дорогому другу не грех
Ко дню рождения поднести.

Добёр!
Поднести? Кому поднести?..

Меж нами есть большой человек, —
С такими любая ноша легка.
Один у нас под ногами снег,
Одну пьём воду из светлых рек,
И жизни наши отныне вовек
В надёжных и верных его руках...»

Костёр запылал, перестал дымить.
От жара старик мотнул головой,
Цыгарку свернул и начал курить.
Охотник умеет серьёзным быть,
Он миру всему хотел говорить:
Не может мир не услышать его.

«Просторный, как ясное озеро, зал
Давно уже стал народу родным.
Кто Сталину руку пожать не мечтал?
Из нас один у него побывал,
А кажется, все мы бывали с ним.

Там воздух и ширь для орлиных крыл,
Там своды не ниже полярных скал.
И там он с охотником здравицу пил.
Он с нашим товарищем так говорил,

Как будто и сам охотником был,—
Всю подноготную нашу знал.

«Хватает ли пороху? Ладно ли бьют
Советские ружья? Слабы? Сильны?
Какие калибры больше нужны?
Меха—это золото: пуд на пуд,
Меха нужны. Золотой ваш труд.
Меха,—говорил он,— броня для страны».

И с той поры родная тайга,
Холодные звёзды над чадной избой,
Ночёвки в сузёмах, костры в логах—
Всё стало цениться втридорога:
Промокнешь насквозь—весь день на ногах,
Но знаешь, что он следит за тобой».

Старик разложил бобра на столе,
Подул на него, серебро распушил.
Морщинки разгладились на челе:
Он видел, казалось, с кем говорил.

«Пусть будут, товарищ Сталин, ясны
И впредь ваши дни, и на много лет,
Земля нам дана, леса даны,
По правде, теперь ничего для страны
Дороже здоровья вашего нет.

Храните здоровье, отец родной!
Погодка бывает у нас лиха,
А вы и осенью и зимой
Всё в серой шинели, всё в одной.
Ведь есть же доха!
На что же меха?!

По нашей стуже, по нашим ветрам
Всё нужное северный лес даёт.
Уважьте, товарищ Сталин, народ.
Взгляните, сколь на бобре серебра!
Носите, товарищ Сталин, бобра:
Тепло, и к шинели вашей пойдёт.

Теплы пимы с меховым чулком,
Легки на охоте за сохачём,
Подвяжешь к ремню витым пояском
И едешь в санях иль гонишь пешком.
Позёмка, пурга—ничто нипочём.

В Москве одинаково—снег и пурга,
Гранитные плиты вдвойне холодны...
Зачем же в мороз ходить в сапогах,
Когда тепло уважает нога?
На что же валенки нам даны?!

Отчаянней нашей не сыщешь зимы,
Сосульки, что колья на бороде...
А кто видал, чтобы зябли мы?
Носите, товарищ Сталин, пимы—
Ноге в пимах, как рыбе в воде.

Ещё об одном просили бы вас.
В каких отдыхаете вы краях?
Конечно, здесь—не Крым, не Кавказ...
Но реки! Но рощи!—отрада для глаз.
Природа есть и у нас своя.

Нет сказок, равных нашим местам.
Зверья в лесу—умом не постичь...
Товарищ Сталин, на месяц бы к нам!
Здесь зайцы за нами идут по пятам,
На ствол ружья опускается дичь...»

Шумят вершины в лесу глухом.
Избушка в сугробах видна едва.
Тайга! Далеко отсюда Москва.
А думы и здесь об одном—о нём,
И небо такое же, как над Кремлём...
Одним человеком земля жива.

Повеяло утром,
Шумит сузём,
И просыпаются тетерева.

1939.

ПРИЗЫВ

На рассвете у правленья —
Вся деревня,
Всё селенье.

— — —

По деревне мчатся кони,
Словно в гонках на призы,
Заливаются гармони:
Парни едут на призыв,
Ребятишки лезут выше —
На черёмухи, на крыши —
И завистливо глядят
На товарищей ребят.
Обсуждают ребятишки,
У кого ботинки чище,
У кого новей наряд...
Петухи, взлетев на крыши,
Запевают невпопад.
Подлетают к дому тройки
В кольцах,
В пряжках,
В бубенцах,
Шеи тонки, ноги бойки.
Председатель их встречает
У тесового крыльца,
Водит пальцем по усам,
Всё осматривает сам.
Посмотрел на пристяжную —
Чмокнул: в теле и — бела.
Посмотрел на коренную:
Что-то сбруя не светла.
— Бригадир, смените сбрую,
Да заправьте удила!
Почему дуга не в лентах?
Где синюшки? Где кумач?
Для текущего момента
Надо б в радугу запрячь.

— — —

У крыльца стоит рысак,
Бьёт копытом так и сяк.
Парень чистит щёткой брюки,

Кепи чистит и пиджак.
Мать наказывает сыну:
— Как в наборную¹ войдёшь,
Не сгибай, сыночек, спину,
Пусть не хают молодёжь.
Волю дай плечам упрямым—
Встань широкий на весы.
— Я и так не узок, мама!—
Говорит старушке сын.
— Да гляди, что ясный сокол,
Выше голову держи...
— У меня и так высоко!
— А пойдёшь служить,—
Служи,
Чтобы всей округе слава
И семье и роду честь,
Чтобы мне пришлось по нраву
О твоей отваге весть.
Сын спускается с крылечка
И садится в тарантас.
Конь буланный рвётся в пляс.
Мать распутала уздечку:
— Ну, сынок,
В счастливый час!

1939.

* *
*

Не позабыть мне первых схваток,
Рывков вперёд, дорог в крови,
Ночей под кровом плащ-палаток,
Как первой не забыть любви.

Всё шло не так, как представлялось,
Как прочиталось,— всё не так,
Всё было ново: дождь, усталость,
Разрывы мин и рёв атак.

Бывало, страх меня тревожил:
«Как поведу себя в бою—

---

¹ Наборная — за Севере помещение призывной комиссии от «набор».

Не буду ль слишком осторожен?
Впаду в тоску иль устою?»

И, убедившись, встав под дула,
Хлебнув и гула и огня,
Что сердце не захолонуло,
Кровь не свернулась у меня,

Что я ни в чём других не хуже
Переношу тяжёлый путь,
Я затянул ремень потуже
И широко расправил грудь.

Такая гордость обуяла,
Так показалось просто жить:
Прошёл огнём под свист металла —
И все должны тебя любить.

С тобой удачи и победа,
Поёшь и ходишь, как во сне...
Кто эти чувства не изведал,
Тот, видно, не был на войне.

1941.
*Деревня Ямсковицы.
Балтика.*

РУССКИЕ МЫ

Ливень смывает с деревьев пыль,
Демаскирует автомобиль:
Чёрные лаковые бока
Снова заметны издали.
Я покрываю его попоной
Тёмнозелёной, из веток сплетённой,
И оставляю в лесу в стороне, —
Я не ропщу на дождь на войне.

Полею ползём, ложимся в окоп.
В каждом окопе соломы сноп,
Из-под соломы забили ключи,

Грязь проступила... Лежи, молчи!
Пусть, размывая стенки окопа,
Речки кричат о начале потопа,
Кости норд-ост продувает мне—
Стужа меня не страшит на войне.

Кашляем мы, но холоду рады,
Только б врагам не давал пощады,—
С ужасом ждали бы нашей зимы.
Сами всё вынесем: русские мы!

Пишет подруга из Сталинграда
О голубых вечерах в степи.
Нам ничего голубого не надо,
Мы говорим друг другу: терпи!

Пусть в эту осень не будет света,
Тёплого вечера, бабьего лета,
Солнца, которое я воспевал,—
Только бы немец околевал!
Топи да будут непроходимы,
Небо—нелётным, чёрным от дыма,
В полночь—беззвёздным,
К утру—безлунным,
В полдень—знобящим, низким, чугуиным,

Пусть оно будет тогда голубым,
Когда победим.

*Октябрь, 1941.
Морская пехота Балтики.*

КРАСНАЯ ГОРКА

Красная Горка. Круча лесная.
Красный огонь по стволам.
С катера глянешь—сосны без края,
С воздуха—та же глушь расписная:
Здесь бы парить орлам.

Хвойные тени. Зелёная грива.
Серый овал валуна.
Глянесь с залива—очень красиво,
Небо на диво,
Воздух на диво,
И тишина, тишина.

Но наступать враги начинают—
И поднимается гром:
Камни взлетают,
Сосны стреляют,
Дышит земля огнём.

Люди сидят в бетоне и в стали.
Много врагов сметено:
С воздуха лезли—
Землю вспахали,
С моря—
Пошли на дно.

Красная Горка. Мёрзлые комья.
Светлый излом берегов.
Каждая тропка Сталина помнит,
Твёрдость его шагов.

Помнят каждая башня и створка,
Все мы— до одного—
Любим его
И верим в него:
Красное знамя
Над Красною Горкой
Взвито рукою его.

1941

Форт «Красная Горка».

МОРЯК

Он в море ни разу не был,
А все зовут моряком.
Он с волжской водой и небом
Со школьной скамьи знаком.

Ходил на лодчонке дряхлой,
Под ветром осенним дрог.
Не дёгтем, а рыбой пахло
От рыжих его сапог.

Широкий, черноволосый
Шагал в родное село,
И девичьи ленты и косы,
Как ветром, к нему несло.

Под ним прогибались сходни,
Дощатый скрипел баркас...
На вид ему и сегодня
Никто сорока не даст.

Когда подошла в Царицын
Флотилия катеров
И стал деревянный Царицын
Границей меж двух миров,

Когда угрожал штыками
Поволжью красновский Дон,
Он к Сталину с рыбаками
Явился в штабной вагон.

Одёрнул рывком рубашку,
Чешуйки с неё смахнул,
Сорвал с головы фуражку
И прямо к столу шагнул.

— Товарищ нарком! — сказал он, —
Я не учён войне:
Ловлю осетра, сазана...
Но дайте работу мне.

Все глубины на Волге знаю,
Все отмели и пески,
Чирков на лету стреляю, —
Возьмите меня в моряки.

Могу паруса поставить,
Палатки разбить на лугу,
На плёсах при переправе
Командовать могу.

Смолю корабли и снасти,
Гожусь на любой баркас...
По вашей, товарищ, части
Издайте такой приказ!

Ему улыбнулся Сталин:
— Видать по всему — моряк!
На катер его послали.
Достал он себе тесак,

Сорвал козырёк с фуражки,
Морскому наряду рад,
Морскую нашёл тельняшку
И синий рваный бушлат.

Водил караваны с хлебом, —
Солёной казалась вода.
А в море ни разу не был —
Какая ему беда?

— — —

На улицах Сталинграда
Я повстречался с ним.
В огне была баррикада,
Удушливый стлался дым.

— Стоим! — он сказал и руки
На автомат положил.
Он был в сапогах, но брюки,
Как встарь, навывпуск носил.

Попрежнему, мало горя, —
Он Волгу свою любил.
— И чем она хуже моря! —
Товарищам говорил.

На дне её — по сказаньям —
Лежат сундуки серебра.
Богата уха сазанья,
Стерляжья уха добра!

Мы с ним постояли недолго,
Он шёл с моряками вперёд...

На Балтике и на Волге
Хороший они народ.

1941—1943.

ВЫСОТА

Волжские в дымке степной места,
Жёлто-зелёные редкие травы.
Очень красивая высота
В двух километрах от переправы.

Утром прозрачные облака
Ветер над самой вершиной гонит.
Как на ладони, отсюда река,
Город рабочий, как на ладони.

В полдень безветренный сводят с ума
Запахи чёбра и молочая.
А у подножья — балки, дома,
Крики летящих над Волгой чаек.

А у подножья — дубы, ручей,
Заячьи тропки и птичьи гнёзда.
В тихом теченьи летних ночей
Виден струящийся лунный воздух.

Всё в незапятнанной чистоте,
Словно бои здесь не проходили, —
Небо без копоти, ветер без пыли...

Но у меня на той высоте
Лучшего друга немцы убили.

1942.

Сталинград.

НЕ УМРУ!

Когда я, раненный, лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Степного буерака от кошмара,

И ни стонать, ни говорить не мог, —
Тогда прямой, с пушистой желтизною,
Откуда-то свалившийся цветок
Виденьем детства встал передо мною.

И от его мохнатого стебля,
Припавшего к моим разбитым скулам,
Родимая российская земля
Былинной силой на меня дохнула.

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колёс,
Крик петуха на просмолённой крыше,
Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как всё твоё предельно стало мило —
Брусника в чашах, рек голубизна...
Война все чувства наши обострила.

Просторны тёсом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пиры,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывёт над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору!..
И потому, что всё перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам;
Не умру!

1943.

* *
*

Весна по всем дорогам,
По всем фронтам идёт.
На севере далёком
Яснеет небосвод.

Над лесом пух летает,
И в солнце вся земля.
Оно огнём играет
На куполах Кремля.

Оно в глазах оленя
И на его рогах,
В морской зелёной пене
На крымских берегах.

Оно на горных скатах,
На скалах, на песке,
На диске автомата
И на живом цветке.

Оно лучится в травах
На ратном рубеже,
На водных переправах
И в узком блиндаже.

У нас земля такая:
Просторна синева,
В горах — вода живая,
В лугах — разрыв-трава.

Одну ольху наклонишь —
Весь лес шуметь начнёт,
Кого из нас ни тронешь, —
Поднимешь весь народ.

1945.

ДАЛЕКИЕ ПОХОДЫ

Жёлтые дороженьки,
Далёкие походы.
Ноженьки, вы, ноженьки,
Ботинки-сороходы!

Дублёные, солдатские,
Шнурки в пыли багровой,
Подошвы ленинградские,
Уральские подковы.

Низы, лощины грязные,
Болото на болоте,
Завалы непролазные, —
А вы себе идёте!

А вы себе шагаете
И удержу не знаете,
А горы вам — не горы,
Озёра — не озёра.

Дорог и троп исхожено —
Самим не надивиться!
Но нам было положено
Пройти по заграницам.

Над Польшей, над Румынией
Всё шире небо синее.
Встречали нас со славою
Юнаки Югославии...

Пылят, пылят дороженьки,
Шумят речные воды.
Ах, ноженьки, вы, ноженьки,
Ботинки-скороходы!

Суконные обмотки,
Железные подмётки!
Земля вовек не видела
Размашистой походки.

1945.

СОЛДАТСКОЙ МАТЕРИ

Евдокии Григорьевне, моей матери

Нет, не вернётся мой брат с войны,
Что нашей матери в горе поможет?
Может, слова совсем не нужны,
Просто поплакать лучше, быть может.

Как мы садились дружно за стол!
Правильной жизнью жили ребята.
Мама! Ты знаешь, за что он шёл
И почему стал храбрым солдатом.

Матерью родину звал свою, —
Имя твоё в огне окрыляло.
А пощади мы себя в бою,
Что бы с отечеством нашим стало!

Жизнь на земле утвердил твой сын,
Мир отстоял на долгие годы.
Воину памятник не один
На площадях поставят народы.

Лёгкого счастья на свете нет,
Всё окупается потом, кровью.
Пусть в твоём сердце не гаснет свет,
Не оскудеет душа любовью.

Имя тебе — солдатская мать!
Слёзы и боль с тобой разделяя,
Знаю, как трудно сына не ждать
Верю и в силу твою, родная.

Перед бедой не согнём спины.
Вспять не пойдут широкие реки.
Русская ты, и твои сыны
Крепостью родины будут вовеки.

1946.

* * *

Здесь орудийные раскаты
Не нарушали тишины,
В полях посевы не примяты,
Селения не сожжены.

Берёзы светлые, густые,
Не тронут бор — к сосне сосна,
И если есть стволы кривые,
Их покривила не война.

Но на какой дороге слёзы
Осенним утром не лились,
В какой избе, в каком колхозе
Армейской клятвой не клялись?

В конторе, отшвырнув костяшки,
Уставший за день счетовод
Берёзовою деревяжкой,
А не ногою о пол бьёт.

Не знали здесь неволи горькой,
Враг не был в этой стороне,
Но председатель — в гимнастёрке
И не забудет о войне.

За полночь ляжет, первым встанет,
А на поля с людьми пойдёт, —
Он в душу каждому заглянет,
Как будто в бой ведёт народ.

1944.

НАСТАСЬЯ

На окраине села,
Белый свет не застя,
Одинокая жила
Женщина Настя.

Одинокая, безродная,
Не худая, не дородная,
Не богатая, не бедная,
Женщина безвредная.

Промышляла, чем могла:
Для чужих варила пиво,
Угостят — сама пила,
Если свадьба где была,
Хлебы белые пекла
Всем на диво.

Нет еды — пойдёт в лесок,
С пестерём грибов вернётся,
Иль на озере часок
С удочкой побьётся,
Иль за мельницей в силок
Рябчика изловит,
Тут же птицу в котелок —
Суп себе сготовит.

У соседа дом как дом,
У Настасьи — банька,
Закуток... Но есть и в нём
Лавка и лежанка.

У соседа за столом
Не семья — бригада,
А она с котом вдвоём:
Много ли ей надо!
Чести мало?
Что ей честь!
Было б только что поесть.

Да, сказать по правде, Настю
И в расчёт не брали власти.
Неогляден белый свет, —
Где таких бобылок нет!

Так тихонько и жила,
Никого не обижая.
Словно людям не чужая,
И свою не была.

Стали Настю звать в артель,
Заявила:
— Вы в уме ль?
Кур смешить на склоне лет?..
Силы нет! Здоровья нет!

Досаждать не стал народ:
Пусть себе одна живёт!

Всё ж в осеннюю страду
Попросили выйти в поле.
Обозлилась:
— Не пойду!
Если будете неволить,
Я до Сталина дойду.

— — —

Может, всё житьё Настасьи
Так сторонкой бы и шло,
Может, не было бы счастья,
Да несчастье помогло.

Началась война с Германией,
Народная война.
На деревне провожания
С восхода до темна.

По ночам огни в артели,
Мужики на фронт идут,
Пива-браги не успели
Наварить, так водку пьют.

Мимо баньки, мимо окон
Пролегает пыльный путь...
А Настасье одинокой
Даже не о ком всплакнуть.

Не о ком погоревать,
Не о чем поговорить.
Свадеб нет — не пировать,
Пива некому варить.

Бабы писем с фронта ждут,
Почтальонам нет покоя,
А Настасье — от кого ей? —
И поклоны не идут...

О германцах речь зайдёт —
Настю даже страх берёт:
Всё прослышала, как есть,
Лучше в пекло, лучше в воду,
Если немцы будут здесь, —
Не дадут житья народу,
И колхоз разгонят весь,
Да и ей не будет ходу.

Бабы спать ночей не стали,
Всё заботы о войне:
Рожь убрали, пар вспахали...
А Настасья — в стороне.

В поле едут чуть светает,
Лён теребят до темна.
Вот и осень наступает...
А Настасья всё одна.

На душе нехорошо,
Грех один с такой душой.

И однажды в день ненастья
На гумно пришла Настасья.

- Бог на помощь!
- Слава богу.
- Как живётся?
- Понемногу.

Покряхтела, поглядела,
На снопы ржаные села,
Запустила руку в рожь.
Шум в ушах иль сердце ноет?..
Барабан гудит и воет,
Слов никак не разберёшь.

- Видно, бабы, я слаба,
Растрясло, как на ухабах,
Одолела худоба.
Может, мне размяться, бабы?
Может, в пользу молотья?
Подавать снопы могла бы.
Не помочь ли, бабы?

- У тебя ж здоровье слабо! —
Отвечают бабы.

- У меня здоровье слабо,
Но теперь война идёт.
Ну-ка, дайте место, бабы,
Расступись, народ!

Ой, как ладно сноп ложится!
Не привод поёт — душа.
— Хороша, соседки, ржица!
— Мы не хаем, — хороша.

До заката потрудились,
Постонала и ушла.
Поутру — скажи на милость! —
На гумно опять явилась
И обед с собой взяла.

— Как живётся?
— Понемногу.
— Как дела?
— Да слава богу.

— Снова, что ли, на работу?
— А неужто не гожусь?!
Только знайте: по охоте,
Без политики тружусь.

— Понимаем! — говорят.
— Принимаем! — говорят.

Золотую речкой, жилкой
Полилось опять зерно.
Пыль стоит над молотилкой,
Кажется, горит гумно...

И спустя полгода власти
Похвалили даже Настю...

Уж война проходит, вроде.
У Настасьи в сердце свет.
Из артели не выходит,
Говорит:
— Желанья нет!

Говорит:
— Не буду доле
Мыкать горькую нужду.
А погоните неволей —
Я до Сталина дойду.

1944—1945.

ОТПУСКНИК

Отпуск дали от войны
Лишь на три недели.
До родимой стороны
Он добрался еле.

Как завидел речку, лес, —
Сердце защемило:
До чего ж покойно здесь!
Всё, как в детстве было.

Ехал — думал в тишине
Спать да рыбу удить
И не помнить о войне, —
Кто бойца осудит!

Но соседи в тот же день
Встретились на сходке,
Из заречных деревень
Подошли молодки,

И, развесив на стене
Карту полушарий,
До полночи о войне
Вёл беседу парень.

На заре второго дня,
Еле встал с постели,
Подают ему коня
Из другой артели.

А потом — в райком и в рик,
В школах тоже встречи...
Все хотят, чтоб фронтовик
С ними пробыл вечер.

В сельсовете пленум шёл.
Едут за солдатом:
— Хоть на часик сядь за стол,
Будешь делегатом!

На селе перечинил
Мельницы ручные,
С сотню писем сочинил
В почты полевые.

Да ещё—меж стольких дел!
Как не подивиться! —
В Зою Павловну успел,
В доктора, влюбиться.

Походили по лесам,
Постреляли уток.
Не по дням, не по часам
Жили — по минутам.

И минуты сочтены...
И смеялись люди:
— От любви — не от войны,
Отпуска не будет.

1945.

ХМЕЛЬ

Миновали дни страды.
Было попито воды!
Кто осудит раз в году
Пиво-брагу на меду?!

— — —

По деревне ходит хмель,
Из-под ног летит метель.
Домотканная рубаха —
По подолу канитель.

Ходит важно, ходит гордо.
Хоть и горд, а не спесив.
На ногах стоит не твёрдо,
Но зато медоречив.

К палисаду прислонился,
Песню-складку затанул,
К молодежи прицепился
И старушке подмигнул.

— У меня во флоте сын,
У меня в пехоте сын.
Дома бабы, — я над ними
Генерал и господин.

— — —

В сарафане ходит хмель,
По плечам косы кудель,
Широченные воланы —
Золотая карусель.

Молодица под хмельком
Расшалилась с пареньком,
Распалилась, раздурилась, —
Что за грех, скажи на милость!

— Ходит хата, ходит печь.
Заводи, гармошка, речь!
Топну раз — цветы раскину,
Топну два — одежда с плеч...

— — — —

Из конца села в конец
С венкой ходит молодец.
Что за песни? "

Что за праздник?
Да, войне пришёл конец!

— Председателю правления
Мой почёт!

— Моё почтенье!

— Как живём?

— Куда с добром:

Целый день без году пьём.

Загуляла молодёжь,
Потому что хлеб хорош,
Ну, а мы, по-стариковски,
Пьём за здорово живёшь.

— — —

Ходит, ходит, ходит хмель,
Из-под ног летит метель.
У ограды засыпают
Два Ивана, пять Емель...

1944.

НА ОСЕННИХ ДОРОГАХ

Спелой ржи золотистым цветом
Славно русское бабье лето.

Сколько лучиков у колоска,
Каждый светит и каждый греет!
От соломенного пояска
Загорелая горсть теплеет.

По просёлкам на большаки,
К ближним станциям, даже ночами
Мчатся с хлебом грузовики
Под брезентовыми чехлами.

За обозом обоз идёт,
Ветер листья метёт по следу...
На вокзалах попутных подвод
Ждут вернувшиеся с победой.

Рады воины порожнякам.
Любы им и леса и тропы,
Едут с песнями — из Европы,
Из Маньчжурии — по домам.

На порожних мешках сидят,
Зёрна свежие пробуют на зуб,
На родные поля глядят —
Сладко сердцу, отрадно глазу.

Пусть обозы скорей идут,
Их не только солдаты ждут.

Сентябрь, 1945.

ВСТРЕЧА

Клим пришёл с войны домой,
Посмотрел на сына:
«Неужели это мой?
Экий молодчина!»

— Ну, Васютка, как дела?
— Ничего, не худы.
— Удишь, нет?
— Пора прошла,
И нагрузка тяжела,
Нынче не до уды.

— Неужель чины даны?
Кем ты, между прочим?
— Ну какие там чины, —
Так, чернорабочим.

— Может, завтра отдохнёшь.
Не поедешь в поле?
— Нет, теперь молотим рожь,
Дело не позволит.

Говорит, а сам глядит
Батьке на карманы:
Не граната ли торчит?
Есть иль нет наганы?

— Пистолетов не привёз?
— Для чего бы это?
— Тут волков большой прирост,
Хоть беги со света.

Автомат бы где добыть,
Усмирили б скоро.
А гранаты, чтоб глушить
Рыбу по озёрам...

Смотрит Вася на отца,
Задаёт вопросы,
Не узнаешь сорванца,
Говорит, как взрослый.

А уж как охота влезть
На колени снова
Да обнять, что мочи есть,
Тятеньку родного!

1945.

ХОЗЯЕВА

Ребятишки слушают урок,
Удивлённо вскинуты ресницы,
Будто вдруг раздался потолок
И кружат над партами жар-птицы.

Карандаш цветной засунув в рот,
Девочка сидит, не шевельнётся,
Карандаш, наверно, изгрызёт,
А домой придёт — и разревётся.

Карте школьной тесно на стене.
Костылём по ней учитель водит.
Говорит он о родной стране:
О горах, с которых снег не сходит,

О краях, в которых нет зимы,
О земле, где не бывает лета,
Где в медвежьи шубы и в пимы
Даже в мае детвора одета.

Говорит о северных ночах, —
От рассказов вьюжным ветром веет.
Гимнастёрка на его плечах
Вологодской хвоей зеленеет.

Он за земли эти воевал, —
Вся шинель осколками пробита,
Каждый куст от немца защищал,
Каждый куст ему служил защитой.

В Ленинграде мучила цынга,
На Кавказе малярия била.
Горный Крым, карельские снега
Молодость его исколесила.

Зверем в дебрях,
Золотом в горах,
Рыбою в морях страна богата...

Слушают учителя ребята, —
Жажда ненасытная в глазах.

Напрягая память, морща лбы,
Замерли, скрестив боеые ноги..
Видятся им дальние дороги,
В небо уходящие столбы,

Дым войны и новостроек чад..
Подрастут — родимый край подымут,
Власть над каждой речонкой примут,
Ветры, водопады приручат.

Их отцы умели воевать.,
Сыновьям — учиться и трудиться..

Реют, реют над столами птицы.
Золотые — глаз не оторвать..

1945.

КОНЮХ

От махорки лампы гаснут.,
Не курить — терпенья нет.
Стол накрыт отрезом красным,
Над столом вождя портрет.

Торжеству большому рады,
Стар и млад пришли на сход:
За великий труд народ
Получал награды.

Люди, будто не в артели —
На скамейках, на полу, —
А в Москве, в Кремле сидели.
Молодые чуть не пели,
Подходя к столу.

Присягая на все годы,
Каждый чётко, как солдат,
Говорил:

— Служу народу!—
И сядил в первый ряд.

От волнения сквозь слёзы
У молодки у одной
Вырвалось не как должно:
— Служим нашему колхозу!
Ей шепнули:
— Всё равно!

Только конюх, чортов дед,
Не сказал ни «да», ни «нет».

Огорчил старик людей:
Раз тебе награду дали,
Должен молвить—
Про себя ли
Или что про лошадей...
Может быть, одной медали
Мало этой бороде?!

Взял и сунул под армяк,
Да ещё нахмурил брови,
Будто выпил натошак,
Словно всё ему не так
Да не внове.

— Приколоть медаль-то надо!—
Зашипели сразу все.—
Аль не по сердцу награда?..—
Но старик не поднял взгляда.
— Ничего!—сказал.
И сел.

Многим даже стало жаль,
Что пришла ему медаль.

В полночь, когда с собранья
Вышел конюх, как из бани,
Мокрый весь,
Никто в ограде,
В темноте не разглядел,

Как он бороду разгладил,
Как на грудь медаль приладил,
Как он вдруг помолодел.

Хорошо мужик работал.
Было много старику
И поблажек
И почёта,
Но такого поворота
Не случилось на веку.

В первый раз за много лет
Не стерпел — заплакал дед.

Не домой пошёл — в конюшню,
С лошадьми поговорить,
Отвести с друзьями душу.
Кстати, пару непослушных
Случай выпал пристыдить.

Кони радостно заржали
И, взглядевшись в полутьму,
По всему, — из-за медали
Головами закивали,
Как бы кланяясь ему.

Он сказал им:
— То-то вот!
И меня народ отметил.
Заодно и вам почёт.
Я гляжу: на этом свете
Честный труд не пропадёт.

Это вам не то, что встарь!..
И зажёг в углу фонарь.

Вдоль конюшни от порога,
Как вдоль строя генерал,
Он шагал — хозяин строгий,
Лошадей журил, трепал,
Крупы гладил, гривы трогал
И для каждой хоть немного,
Хоть два слова да сказал.

Сосунок, ещё без толку,
Маленький, как Горбунок,
Мокрой мордой ткнулся в бок.
Он схватил его за чолку:
— Признаёшь теперь, сынок?!

Напоследок ярового
Всем засыпал:
— Ешьте в сыть!
Чур, меня не подводить,
Поутру—за дело снова:
Вам за конюха такого
Бога надобно молить.

1947.

В ПОЛЕВОЙ БРИГАДЕ

В полевом колхозном стане
Дули вечером в «козла».
О комбайнере Иване,
Подмигнув честной компанье,
Речь Алёна завела:
Чьим-то мужем, дескать, станет,
Кто-то Ваню заарканит,
Не сбежал бы из села.

И уж так смеялась звонко,
Словно бес её щипал.
Стала требовать Алёнка,
Чтобы весь колхоз о жонке
Для Ивана хлопотал.
А Иван сидел в сторонке
И молчал.

Пересмешки, прибаутки.
Вкруг соснового стола.
Покосившись на Анютку,
Речь другую, также в шутку,

Озорница завела:
Вот, мол, девушка! За сутки
По три нормы ставит. Ну-тка...
Пара б славная была.

Анна рядышком сидела
И кто знает, почему,
То краснела, то бледнела,
Всё ещё понять не смела,
Что к чему.
А Иван—ну словно дела
До Анютки нет ему.

Смотрит в сторону Алёнки:
Что за прихоть у девчонки,
Не поймёшь, как чему ведёт?
Что напрасно зубы точит,
Людам головы морочит?
Уж она-то знает точно:
Никуда он не уйдёт.

1947.

СВАТОВСТВО

С. В. Щириной

С водкой да с орехами
Сваты понаехали.

Думаем, на этот раз
Оберут до нитки нас.
А у них губа—не дура:
У стола стоят стеной,
Краснословят,
Балагурят,
Подбираются к одной.

Всё хлопчут об одной,
Об Алёне Фоминой.

У людей в делах сердечных
Вкусы разные, конечно,
Но об ней наперебой
Встречный, так же поперечный
Говорили:
— Девка-бой!

В стольной Вологде и дале
Фомину Алёну знали:
Красотой и всем взяла,
За собой людей вела!
Но у нас такая девка
На колхоз одна была.
Невесёлые дела!
Положеньё—к богу в рай!
Плачь, а сватов принимай.

На колхозное правленье
Заявилось всё селенье.
Председатель изнемог:
Крики, ругань,
Что звонок?—
Колокол бы не помог!..

Поднялись за правду миром,
Каблуками о пол бьют.
Верховодят бригадиры,
Сватам ходу не дают.

Бахтюковых две семьи,
Бауковых три скамьи,
Два угла одних девчат—
Хоть кого перекричат.

— Чтобы нашу-то Алёнку
В чужедальнюю сторонку?!
Не таковский мы народ.
Всем укажем поворот.

Надрываются, лютуют:
— Председатель, дай приказ,
Пусть найдут себе другую...
А сваты и в ус не дуют.
— Увезём — и кончен сказ!
Мол, самою Фоминой
Обещание дано.

Не шутя завечерело,
А не двигается дело,
Тени пали у крыльца,
Солнце явно не хотело
Канителить без конца.

Председатель воровато
Стороной от сватов-хватов,
От скамеек стороной,
Под шумок поднявшись с места,
Сам направился к невесте:
Дела этого, по чести,
Не решить без Фоминой.

Он приходит к Фоминой.

Фомина хлебает чай.
— Золотая, выручай!
Весь народ к тебе с поклоном:
Без тебя и свет не в свет —
Жди колхозу всяких бед,
Делу всякого урона..
Замуж нам тебя, Алёна,
Выдавать расчёта нет!

Фомина глядит серьёзно,
Достаёт платочек звёздный
И помахивает им:
— Что ж, пока ещё не поздно,
Я не прочь, — поговорим.
Может, делом аль советом
Помогу тебе,
Но, чур, —

Мне по нраву парень этот,
Ни за что сама на свете
С ним расстаться не хочу.

Слушай: может, научу...

— — —

За деревней, над прудом,
В две недели вырос дом,
Широченный, пятистенный—
Восемь окон, две избы—
С телефоном и антенной,
С целой выставкой резьбы,
С палисадом и двором—
Загляденье, а не дом.

Днём на этом новом месте
Разместил колхоз невесту.
А под вечер, на закате,
Кто в телеге, кто верхом,
Наши сваты—
Тоже хваты!—
Подались за женихом.

Пригласили жениха:
— Соглашайся без греха.
Никакой тебе помехи,—
Дел в артели—за глаза...
Согласился,
Переехал,
Даже слова не сказал.

1939.

РАННЕЕ УТРО

Чуть в домах затопят печи—
И выходит со дворов
Утро бляющим овечьим
И мычанием коров.

Отпускник-солдат обходит
С детства милые места:
Постоит на огороде,
Молча сядет на росстань,

На цветок во ржи подышит...
Но, куда ни завернёт,
Что ни видит, что ни слышит,
Он ещё войной живёт.

За окольную избою
В поле чистом, паровом,
Как над дымным полем боя,
Нарастают гул и гром.

Отдуваясь и стреляя,
Словно танк на рубеже,
Трактор, пашню подымая,
Пробивается к меже.

На току, за баней чёрной,
Барабан гудит-ревёт,
Словно это двухмоторный
Бреет землю самолёт.

А овины, словно доты.
Жди, сейчас взгремит «ура!»
И стучат, как пулемёты,
У амбаров триера.

Кузня ухаёт с рассвета,
Над трубою чёрный чад,
Как сигнальные ракеты,
Искры по ветру летят.

Мир придёт, но долго сниться
Будет нам военный гром,
Будем звать межу границей,
Реку — водным рубежом.

1944.

СВЕТ В ДУШЕ

Мой дед любил копить рубли,
С печным горшком дружил.
За шар земной
Своей земли
Вершка б не уступил.

Засел в домок свой, как в окоп:
Росла бы в поле рожь,
А там в округе хоть потоп —
Его не прошибёшь.

И шла молва про старика
Крута, не хороша:
Черна душа у мужика,
Берлога — не душа.

Но дед не смог добра скопить:
Дожив до седины,
Не чаял он, что можно быть
Хозяином страны...

И я мужик. И мне земля
Родная дорога,
И я за зря не жгу рубля:
Деньга — всегда деньга!

Но я в такую даль взглянул
От узенькой межи,
Такого воздуха хлебнул,
Что душу освежил.

Прошло без мала двадцать лет,
Как жить в колхозе стал.
Моей души коснулся свет,
Какого дед не знал.

По той же пахоте хожу,
С лица текут ручьи,
Но я на шар земной гляжу,
Как на поля свои.

И, чтобы свет в душе не гас,
За правду за свою,
За нашу власть,
За всех за нас
Всей жизнью я стою.

1946.

ПРАЗДНИК

По селу в обгон, вприпрыжку,
Взбудоражив весь народ,
Пробежали ребятишки
С криками:
— Идёт! Идёт!

Наконец-то дождались,
В колею вступает жизнь!

Лаем жучки залились,
Словно с цепи сорвались,
Взмыли голуби. Дома
Окнами захлопали.
И пошла
Кутерьма.

Вот уж он сошёл с холма,
Вот он катит по полю.
Пыль, как дым, в дыму кумач —
Огсньком над пашнею.

Ребятишки мчатся вскачь.
— Не чуркач, — кричат, — жидкач¹,
Молодой, не кашляет!

Он пронёсся вдоль селенья
И у мира на виду
Стал под окнами правленья —

---

¹ Трактор с газогенераторной установкой, работающей на древесных опилках, в колхозах зовут «чуркачом», а на жидком топливе — «жидкачом».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Клятва	3
Слово охотника	7
Призыв	11
«Не позабыть мне первых схваток...»	12
Русские мы	13
Красная Горка	14
Моряк	15
Высота	18
Не умру!	19
«Весна по всем дорогам...»	20
Далёкие походы	21
Солдатской матери	22
«Здесь орудийные раскаты...»	23
Настасья	24
Отпускник	28
Хмель	30
На осенних дорогах	32
Встреча	32
Хозяева	34
Конюх	35
В полевой бригаде	38
Сватовство	39
Раннее утро	42
Свет в душе	44
Праздник	45

Ответственный редактор — А. Сурков.

А—01432. Подписано к печ. 18/III—47 г. Тираж 100 000. Зак. 51

Типогр. газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 2